

DOI: 10.31857/S086919080014448-9

КРИЗИС ОСМАНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В ЙЕМЕНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО ДАННЫМ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ И ДИПЛОМАТИИ)

© 2021

В.В. НАУМКИН ^{a, b}^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^b – НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9644-9862; vinaumkin@yandex.ru

Резюме: В статье рассматриваются турбулентные события в йеменском вилайете Османской империи в первом десятилетии XX века, когда йеменские племена во главе с зейдитскими имамами и родоплеменными вождями поднимали восстания против Порты. Исследование, посвященное в основном крупному восстанию, начавшемуся в 1904 г., основано на документах из Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Показано, что параллельно с йеменцами восставало и население Хиджаза. Анализ восстаний и войсковых операций по их подавлению показывает, что взаимоотношения между турецкими властями и населением Йемена, включая как представителей местных элит, так и рядовых членов племен и горожан, находились в серьезном кризисе. В статье вскрываются причины этих разногласий и их последствия для обстановки в регионе. Петербург в тот период значительно повысил интерес к Йемену (как и в целом к аравийским вилайетам Турции), что было связано в первую очередь с обострением мусульманского вопроса в стране на фоне революции 1905–1907 гг., ростом самосознания мусульманского населения Российской империи, а также с необходимостью отслеживать реакцию турецкого правительства на восстания арабов. Подробно анализируются донесения ряда российских дипломатов и военных агентов, работавших в арабских вилайетах, а также доклады сотрудников российского Главного штаба и Штаба Кавказского военного округа. Как убеждает статья, информация, которую передавали дипломаты и военные разведчики, в целом позволяла Петербургу адекватно оценивать обстановку. Особое внимание российских военных, естественно, привлекали те трудности, с которыми сталкивались турецкие воинские формирования, направленные в Аравию. Анализ документов показывает, что Россия не была заинтересована в дестабилизации внутренней ситуации в Османской империи.

Ключевые слова: зейдитские имамы, Йемен, российская военная разведка, Фейзи-паша, Османская империя.

Для цитирования: Наумкин В.В. Кризис османского правления в Йемене в начале XX века (по данным российской военной разведки и дипломатии). *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 180–196. DOI: 10.31857/S086919080014448-9

CRISIS OF THE OTTOMAN RULE IN YEMEN IN EARLY 20TH CENTURY (ACCORDING TO RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE AND DIPLOMATIC SOURCES)

© 2021

Vitaly V. NAUMKIN ^{a, b}^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9644-9862; vinaumkin@yandex.ru

Abstract: *This article contemplates the turbulent developments that occurred in the Yemen vilayet of the Ottoman Empire in the first decade of the 20th century, when Yemeni tribes headed by Zaydi Imams and tribal leaders rebelled against the Sublime Porte. The research is based on the documents made available by the Russian State Military and Historical Archive and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, some of which are introduced into the academic discourse for the first time. A review of the rebellion reveals that the anti-Ottoman sentiments were becoming increasingly popular across the vilayets. The article dwells on the causes behind the existing crisis and its repercussions for the regional environment. Over that period, St. Petersburg grew extremely interested in the situation in the Arabian vilayets of the Ottoman Empire. The reason for that was basically the aggravation of the Muslim issue in the Russian Empire, against the background of the Russian Revolution of 1905–1907, the rising political awareness of the Muslim residents of the Russian Empire and also the necessity to monitor the response of the Turkish rulers to the rebellions staged by the Arabs. The reports filed by some of the Russian diplomats and military agents, who worked in the Arabian vilayets, likewise memoranda by the Russian Main Headquarters and the Caucasus Military District Headquarters employees are analyzed in great detail. However, as the article proves, Russia was not interested in destabilizing the internal situation in the Ottoman Empire.*

Keywords: Zaydi imams, Yemen, Russian military intelligence, Feyzi Pasha, Ottoman Empire.

For citation: Naumkin V.V. Crisis of the Ottoman Rule in Yemen in Early 20th Century (according to Russian Military Intelligence and Diplomatic Sources). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 180–196. DOI: 10.31857/S086919080014448-9

В XVI веке бо́льшая часть арабского мира была завоевана Османской империей. При Сулеймане I Великолепном¹ в 1538 г. турки захватили Йемен, находившийся до того под властью мамлюков, но территория в горах к северу от столицы – города Саны – оставалась в руках зейдитских имамов² [Yassob, 2012, p. 411], которые вели за собой свободолюбивых горцев. В XVII в. контроль над отдельными областями этой страны переходил из рук в руки. Воинственные зейдитские племена, не смилившиеся с властью турок-суннитов, неоднократно восставали против их господства, от которого им к 1635 г., при султানে Мураде IV³ удалось освободиться, после чего власть здесь вновь вернулась к имамам. Областью Асир⁴,

¹ Правил в 1520–1566 гг.

² Зейдизм – один из толков шиитского ислама.

³ Правил в 1623–1640 гг., заслужив прозвище Кровавого.

⁴ Асир в рассматриваемый период был санджаком вилайета Йемен со столицей в г. Абха, хотя во внутренних районах области власть фактически принадлежала вождям местных племен. К 1910 г. там образовался эмират во главе с Мухаммадом бин Али аль-Идриси. С 1934 г. по Таифскому договору между Саудовской Аравией и Йеменом Асир входит в состав Саудовской Аравии.

простиравшейся к северу от горного Йемена вплоть до границ расположенного в западной части Аравии вилайета Хиджаз и до Тихамы – йеменской равниной на побережье Красного моря с портом Ходейда, к 1730 г. уже управлял подчинявшийся имаму шариф⁵ Ахмад [Baldry, 1976, p. 46].

Только в 1872 г. Османская империя, опасаясь расширения в Йемене присутствия Великобритании, постепенно устанавливавшей контроль над всё большим числом шейхств, эмиратов и султанатов в южной части этой страны, в ходе нового военного похода вновь подчинила себе ее горную часть на севере. Йемен стал вилайетом империи, который был разделен на четыре санджака (в том числе Асир). В последующие годы враждебность в отношениях между турками и местным населением во всех арабских вилайетах, включая Йемен и Хиджаз, возрастала. Едва ли не повсюду вновь вспыхивали антитурецкие восстания местных жителей, все острее испытывавших недовольство своим неравноправным положением в империи и возлагавших на османов вину за то, что арабский мир с его славным историческим прошлым, являвшимся предметом гордости арабов, теперь отставал в развитии от других регионов мира. Одно из крупных вооруженных восстаний во главе с имамом началось в Йемене в 1891 г. и было подавлено османскими войсками лишь к 1899 г. Зейдиты осуждали турок за то, как они правили страной, и за то, что они, как считали йеменцы, вели себя греховным, не подобающим для мусульман образом, погрязли в коррупции. К тому же зейдитские имамы были еще и недовольны утратой своего положения непререкаемых духовных лидеров соплеменников. Как отмечал известный исследователь йеменской истории того периода Джон Балдри, «в Йемене, возможно, как нигде более в Аравии, племена яростно отстаивали свою независимость» [Baldry, 1976, p. 164]. Осенью 1892 г. началась осада Саны, в которой участвовали более 70 тысяч йеменцев из всех племен [Harris, 1893, p. 102–103]. Бои между повстанцами и турками с различной интенсивностью продолжались повсеместно.

В данной статье на основе материалов из Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи рассматривается период конца XIX – начала XX вв. и в особенности 1904–1907 гг., когда и в Йемене, и в меньшей степени в Хиджазе шли новые массовые восстания местного населения против турецкого господства. Эта тема в целом достаточно полно освещена в турецкой, арабской и западной историографии, однако она, к сожалению, не вызывала интереса у отечественных востоковедов, а довольно большой массив имеющихся архивных материалов не введен в научный оборот.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ В 1904 г.

В Йемене очередное крупное восстание вспыхнуло в конце 1904 г. Непокорного имама Мансура Ли-ллаха тогда сменил амбициозный 35-летний Яхья Хамид ад-Дин. Российского дипломатического представительства там не было, но в Хиджазе к этому времени уже действовало расквартированное в г. Джидда российское императорское консульство, основанное в 1890 г. Оно было источником ценной информации об обстановке не только в этом вилайете, но и в Йемене, который теперь стал объектом повышенного интереса Петербурга. Ведь в середине первого десятилетия XX в. Российская империя уделяла большее, чем прежде, внимание мусульманскому вопросу как внутри страны, так и за ее рубежами, в связи с ростом самосознания российских мусульман, событиями русско-японской войны 1904–1905 гг. и русской революции 1905–1907 гг. Эти годы были также периодом продвижения России к союзническим отношениям с Францией и Великобританией, увенчавшимся

⁵ Шарифы – прямые потомки пророка Мухаммада по мужской линии.

созданием Антанты⁶. Внутриполитическая ситуация в арабских провинциях Османской империи интересовала Петербург также и в свете подготовки к возможной войне с турками. Как свидетельствуют использованные в статье документы, в столице Российской империи внимательно следили за действиями Константинополя, как тогда продолжали называть столицу Османской империи⁷.

Турецкие власти для подавления восстаний применяли военную силу, но справляться с воинственными инсургентами было трудно. Объявив войну Порте, Яхья собрал 20-тысячное войско как из зейдитских, так и шафиитских⁸ племен, для того чтобы вновь подвергнуть осаде Сану. Российский консул в Джидде (вилайет Хиджаз) В.В. фон Циммерман⁹ сообщал в донесении № 171 от 9 декабря 1904 г. российско-императорскому послу в Константинополе: «В йеменском вилайете положение турецких войск самое печальное. Инсургенты их выгнали из Асира и, по последним сведениям, осаждают Сану, главный город вилайета. Положение осажденных в высшей степени критическое и вряд ли они будут в состоянии долго еще продержаться» [АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 778, л. 22об.].

А Константинополь не торопился с помощью осажденным. По данным, которыми располагало консульство, подкрепления, состоявшие из 28 батальонов, были посланы в Йемен из османской столицы лишь за несколько дней до обострения обстановки, «покамест же ограничились отправкой 1 200 человек войск из Медины через Ямбу и 1 200 арабов-добровольцев из Ходейды» [там же].

Российские дипломаты из Джидды информировали российского посла в Константинополе об обилии винтовок, продававшихся по бросовым ценам на рынках Хиджаза и Йемена (фактически едва ли не бесплатно раздававшихся населению), куда они в те годы контрабандным путем ввозились британской торговой фирмой. Фон Циммерман обращал внимание посла на то, что контрабанда оружия использовалась Лондоном как средство достижения его политических целей в обоих вилайетах. С учетом йеменского примера делался вывод о том, что англичане готовили население к восстанию против турецкой власти, «дабы облегчить себе возможность и в Хиджазе утвердить свое господство» [АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 778, л. 5], которое означало перспективу контроля над величайшими мусульманскими святынями. Кроме того, подчеркивали русские дипломаты, поскольку англичане уже владели западным побережьем Красного моря, то овладев и восточным, они получили бы громадное преимущество перед другими державами, безраздельно господствуя в его акватории.

И еще одно интересное соображение консульства по поводу британской стратегии в регионе: владея Хиджазом и расположенной в центральной, пустынной части Аравии об-

⁶ Известный российский специалист по мировой политике и военной стратегии России А.А. Кокошин считает, что лучшим вариантом для России тогда было бы не присоединение к Антанте, а сохранение ее прежнего положения, «т.е. нейтралитета, но при этом нейтралитета, обеспеченного достаточно мощными сухопутными и военно-морскими силами» [Кокошин, 2003, с. 155].

⁷ Это название употреблялось вплоть до 28 марта 1930 г., когда город был официально переименован в Стамбул.

⁸ Шафиизм – один из четырех мазхабов суннизма, распространенный в Йемене преимущественно в его южной части.

⁹ Фон Циммерман Владимир Владимирович (1854–?) – русский дипломат, ветеран службы в вилайетах Османской империи. После окончания Николаевского инженерного училища и трехлетнего курса Учебного отделения восточных языков Лазаревского института поступил на работу в МИД, пятнадцать лет служил секретарем-драгоманом в консульствах в Трабзоне и Эрзеруме, затем вице-консулом в Самсуне и лишь в 1898 г., в возрасте 44 лет дослужился до назначения консулом в Джидде, где оставался вплоть до 1907 г., когда был переведен на такую же должность в Алеппо, которую он исполнял до 1916 г., совмещая основную службу с работой в качестве агента Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ) и Добровольческого флота [Смилянская и др., 2015, с. 77]. В Джидду он приехал в чине коллежского советника (гражданский чин VI класса Табели о рангах), а в 1901 г. стал статским советником (гражданский чин V класса).

ластью Неджд, которую они будто бы уже пытались захватить с помощью кувейтского шейха Мубарака ас-Сабаха, англичане рассчитывали «осуществить свою заветную мечту о соединении Средиземного моря с Персидским заливом железной дорогой из Суэца в Кувейт, конечные пункты которой находятся в их власти» [там же, л. 5об.–6]. Интересно, что в российских архивных документах того периода, т.е. середины первого десятилетия XX века, четко просматривалась поставленная министерством перед дипломатами задача сдерживания поползновений англичан в Аравии, что несколько диссонировало с начавшимся процессом сближения Петербурга с Лондоном в рамках Антанты: ведь Лондон еще до образования Тройственного союза¹⁰ вроде бы должен был рассматриваться, во всяком случае в этой части Ближнего Востока, как полезный для России сильный противовес Османской империи, возможность войны с которой виделась Петербургу вполне реальной! В то же время о Германии, входящей в состав вышеуказанного противостоящего Антанте союза, ни в инструкциях и запросах Центра, ни в донесениях и докладах дипломатов и военных почти ничего не говорилось. Впрочем, в значительной мере это могло быть связано с тем, что присутствие и активность немцев именно в рассматриваемой в статье зоне Аравии не были значительными. Зато здесь довольно активно действовал партнер Германии по Тройственному союзу – Австро-Венгрия. При этом Вена в полной мере использовала инструменты «мягкой силы» в работе с Йеменом (см. о поддерживаемых властями Австро-Венгерской империи научных экспедиций в Южную Аравию в: [Наумкин, 2020(1); 2020(2)]).

ОЦЕНКИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ

В середине октября 1904 г. назначенному на должность командира VI Багдадского корпуса турецкой армии муширу¹¹ Ахмеду Фейзи-паше для восстановления порядка в Аравии было предписано двинуться к Эль-Касыму (в северной части Неджда, между Хаилем и Кувейтом) с поступившим в его распоряжение двадцатитысячным контингентом низама (регулярной армии). В корпусном округе были созданы редифы (резервисты, набираемые из числа тех, кто отслужил в армии, и регулярно проходившие переподготовку на сборах). Из константинопольских складов муширу отправили винтовки Маузера и несколько пушек. К его контингенту должны были присоединиться еще 4–5 батальонов из Медины.

Здесь надо коснуться неординарной личности этого известного и одного из самых популярных в турецкой среде (и одновременно столь же ненавистного арабам) военного деятеля и администратора: в Османской империи тогда они часто совмещались в одном лице.

Ахмед Фейзи-паша, которому предстояло отслужить три срока на высоких административных должностях в Йемене, был крымским татаринцем из семьи российских подданных (его биография была подробно изложена в основанной на турецких первоисточниках лекции Томаса Куна из департамента истории Университета Саймона Фрезера в Канаде, прочитанной там 3 апреля 2013 г. [Kuehne, 2014]). Он родился в 1839 г. в Крыму, окончил там же школу, продолжил учебу в Стамбуле, куда эмигрировала его семья, в 1864 г. после окончания военной академии в звании второго лейтенанта получил назначение в гвардию. В 1872–1873 гг. талантливый сын татарского иммигранта, в то время капитан, принимал участие в боях по отвоеванию Асира и горного Йемена, когда эти области сотрясали восстания местного населения. Здесь в 1872 г. Фейзи-паша впервые занял высокий административный пост, управляя одним из округов вилайета. Как справедливо отмечает Томас Кун, хотя в османском фронтире (Йемене, Курдистане, Хиджазе, Триполитании) назначение на долж-

¹⁰ 20 мая 1882 г. Германия, Австро-Венгрия и Италия подписали секретный договор о создании этого союза.

¹¹ Высший воинский чин в турецкой армии.

ности администраторов военных чинов было привычным делом, прослужить целых 17 лет (вплоть до 1887 г., когда Фейзи-паша был уже вали, губернатором) в одном вилайете было все же делом весьма необычным. В 1887 г., уже в звании ферики (генерал-майора), он был переведен в вилайет Хиджаз, но через несколько лет, в 1891 г. ему поручили отвоевывать захваченную ополчением зейдитских племен в ходе нового восстания столицу Йемена – Сану. Он опять стал править в этом вилайете, прослужив там еще целых семь лет – с 1891 по 1898 г. После этого Ахмед Фейзи был назначен губернатором Багдадского вилайета. А в январе 1905 г., когда он служил уже в Неджде, Фейзи-паше, которому было тогда за 75 лет [Farah, 2002, p. 218], предстояло вновь вернуться в Йемен в качестве командующего воинским контингентом, направленным для подавления теперь еще более мощного восстания. По-прежнему темпераментный и хорошо говоривший по-арабски (при этом он предпочитал разговаривать с арабами по-турецки, побуждая их учить язык османов), военачальник умел общаться с местным населением, частенько присоединялся к курившим кальян шейхам, амнистировал сдавшиеся ему племена и сохранял право носить оружие даже за теми, кто ранее участвовал в восстаниях [Farah, 2002, p. 225].

Однако все это не могло обеспечить лояльности непокорных йеменцев. После выступления турецких сил под командованием даже столь опытного военачальника и администратора ситуация внутри находившегося под его командованием контингента все равно быстро обострилась. «Начались массовые побег и грабежи; два батальона целиком дезертировали, один из них перешел на сторону Ибн Сауда [предводителя мятежных неждийских племен и будущего основателя саудовского королевства. – В.Н.], а другой отправился в Кувейт предложить свои услуги англичанам» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 67об.]. Понятно, что эти дезертиры были арабами. Хотя Фейзи-паша заявлял, что в его войске служили албанцы, курды, турки и лазы, большинство составляли сирийцы – они знали арабский, были привычны к знойному климату, помогали друг другу, так как в своей массе были односельчанами, и выдерживали огромные тяготы и голод в ходе кампаний, уносивших жизни от двух третей до трех четвертей контингента [Farah, 2002, p. 225].

В целом обстановка для экспедиции была для турок критической. Основываясь на данных российской военной разведки, Главный штаб Русской императорской армии (см. о нем ниже) в сводном обзоре от 26 марта 1905 г. под названием «Волнения в Аравии», подписанном генерал-майором А.А. Поливановым¹², отмечал низкий моральный дух солдат и даже офицеров: «солдаты, убежденные в дурном исходе ее, стали дезертировать еще до выступления в поход, и даже офицеры подавали прошения об отставке; выюнных животных было недостаточно, так как арабы, у которых их можно бы найти, удалились» («Волнения в Аравии», по донесениям нашего военного агента¹³ в Константинополе [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 67]).

По донесению российского военного агента, Фейзи-паше все же удалось занять города Бурейду и Анейзу, после чего он отправился в Медину, а оттуда через Джидду переправился в соответствии с новым назначением в Йемен [там же, л. 79].

¹² Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) – известный российский, затем советский военный деятель. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в январе-июне 1905 г. – второй генерал-квартирмейстер, руководивший военной разведкой, в июне 1905 – феврале 1906 гг. – исправляющий должность начальника, в феврале – апреле 1906 г. – начальник Главного штаба, с 1906 г. – генерал-лейтенант, с 1911 г. – генерал от инфантерии, в 1912–1917 гг. – член Государственного совета, в 1915–1916 гг. – военный министр. Принял Октябрьскую революцию, с февраля 1920 г. служил в РККА, член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете, член Особого совещания при Главкоме. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры вместе с единственным сыном Александром, офицером Русской императорской армии, погибшим на фронте в 1914 г.

¹³ Военный агент – военный атташе при российском дипломатическом представительстве, который возглавлял резидентуру военной разведки.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Здесь следует кратко пояснить, как в то время была организована работа российской разведки за рубежом. Ее вели несколько ведомств. Одним из них было министерство иностранных дел. Оно даже содержало за рубежом своих платных агентов, поставлявших дипломатам, поддерживавшим с ними связь, секретную информацию преимущественно политического характера. Эту деятельность, как пишет К.К. Звонарев¹⁴, курировал департамент политических дел министерства [Звонарев, 1929, с. 10–11]. Кроме того, МИД получал ценную информацию от находившегося в ведении министерства внутренних дел так называемого черного кабинета, который тайно перлюстрировал переписку иностранных послов со своими правительствами [Измозик, 2015, прил. 2; Звонарев, 1929, с. 12]¹⁵. Свою агентуру за границей имел и департамент полиции министерства внутренних дел, занимавшийся в основном деятельностью российских революционеров.

А военную агентурную разведку за рубежом вел главным образом созданный в 1815 г. и подчинявшийся военному министру Главный штаб, а также некоторые управления военного министерства. Главный штаб в рассматриваемый в статье период являлся высшим органом управления вооруженными силами Российской империи, ему были подчинены также, в частности, Николаевская академия Генерального штаба, Военно-топографическое училище и Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД России. Генеральный же штаб стал самостоятельным органом только после реформирования стратегического управления в 1905 году.

Сначала в Главном штабе разведкой занимались Военно-учетный комитет и, в меньшей степени, Азиатская часть. В 1900 г., согласно утвержденному императором проекту военного министра генерала А.Н. Куропаткина¹⁶, началась реорганизация Главного штаба [Шаваев, 2019, с. 197] – в его составе была учреждена Генерал-квартирмейстерская часть, в которую была сначала передана канцелярия Военно-учетного комитета, а в 1903 г. комитет был вовсе упразднен и разведкой стало заниматься специально для этого созданное VII отделение (статистика иностранных государств) 1-го военно-стратегического отдела управления второго генерал-квартирмейстера Главного штаба, руководившего всей разведывательной работой. На 1903 г. в нем постоянно служили 17 офицеров, писари, чиновники и прикомандированные офицеры, по региональному принципу действовали восемь «столов» (секторов), в том числе 5-й, работавший по Турции, балканским государствам, Персии, Афганистану и Малой Азии [Звонарев, 1929, с. 24; Шаваев, 2019, с. 198]. Ведение разведки в азиатской части Османской империи входило еще и в задачи Штаба Кавказского военного округа (ШКВО), направлявшего в Петербург регулярные отчеты.

¹⁴ Звонарев Константин Кириллович (1892–1938), настоящее имя Карл Кристьянович Звайгане, из латышских крестьян, полковник, разведчик, служил в РККА с 1918 г., участвовал в Гражданской войне, был помощником военного атташе при полпредстве РСФСР в Литве в 1921 г., военным атташе при полпредстве РСФСР, затем СССР в Турции в 1921–1923 гг., занимал ответственные штабные должности в РККА.

¹⁵ Согласно воспоминаниям бывшего цензора, царские служащие черного кабинета владели разными европейскими и азиатскими языками, многие из них знали по 15–20 языков. Царь лично ознакомился с перлюстрированной перепиской.

¹⁶ Куропаткин Александр Николаевич (1848–1925) – российский государственный и военный деятель, генерал-адъютант с 1902 г., военный министр Российской империи (1898–1904), главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, воевавшим против Японии в 1904–1905 гг., член Государственного совета с 1906 г. Внес большой вклад в основание военной разведки. Создатель российской контрразведки. С 1916 г. – командующий 5-й армией Северного фронта, главнокомандующий армиями этого фронта, затем Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. После Октябрьской революции до конца жизни оставался в России, жил и учил детей в школе в селе Шешурино Псковской губернии (ныне Тверской области), похоронен возле церкви в соседней деревне Наговье. Его единственный сын Алексей был расстрелян в 1920 г. Генерал-патриота до сих пор с благодарностью вспоминают земляки. Ему установлен памятник в Торопце.

Рис. 1. Генерал А.А. Поливанов (1855–1920).

Рис. 2. Генерал А.Н. Куропаткин (1848–1925) с детьми в сельской школе (из музея в Торопце).

При посольствах и в некоторых консульствах в ряде стран, в том числе в Турции, были аккредитованы официальные военные агенты (военные атташе), чье положение было узаконено с 1864 г. Среди них были как опытные офицеры Генерального штаба, в том числе весьма выдающиеся фигуры, так и просто имевшие хорошие личные связи в высших военных кругах вельможи, которые не волновало ничего, кроме развлечений, светских раутов и приемов, что не могло не сказываться на направляемой в Центр информации¹⁷. Военные агенты были обязаны докладывать добываемую ими информацию послам и кон-

¹⁷ При этом, например, военному агенту в Берлине приходилось львиную долю времени тратить на прием и устройство «весенних ласточек» – бесконечного числа военных чиновников, приезжавших туда «сбавлять жир». Не отставали от военных, как утверждал Звонарев, полицейские чины. П.Н. Дурново (директор департамента полиции 1884–1893 гг., товарищ министра внутренних дел в 1900–1905 гг., министр в 1905–1906 гг.) будто бы посылал в Париж в качестве агентов своих любовниц, наблюдать за которыми на всякий случай приходилось посылать настоящих полицейских [Звонарев, 1929, с. 137].

сулам. Отношения между военными разведчиками и «чистыми» дипломатами, как правило, были конфликтными. С конца XIX века параллельно с официальными военными агентами действовали также негласные, или тайные агенты, для сети которых велось особое дело-производство. Кроме того, с отдельными разведывательными миссиями за рубеж на время периодически командировались офицеры.

В начале 1906 г. разведывательные функции перешли к вновь созданному в результате реформирования управления армией Генеральному штабу, в который вошел Главный штаб в качестве Главного управления. Оперативные задачи теперь выполняло 5-е делопроизводство части 1-го квартирмейстера, а обработка собранных сведений была возложена на часть 2-го обер-квартирмейстера в составе шести делопроизводств (1-е из них ведало Азиатской Турцией) [Звонарев, 1929, с. 83–84]¹⁸.

РОСТ АКТИВНОСТИ ИНСУРГЕНТОВ

Российские военные, как и дипломаты, сообщали, что вспыхнувшее в Йемене антитурецкое восстание быстро набирало силу. В самом начале декабря 1904 г. в Константинополь стала поступать первая информация о захвате повстанцами нескольких укрепленных турецких постов, а к 12 декабря того же года они подошли к Сана, гарнизон которой состоял всего из трех батальонов. Русская военная разведка информировала Петербург о том, что сначала турецкие власти, недооценив потенциал мятежников, решили направить к столице Йемена ополчение из лояльных туркам арабских племен, собрав его в Ходейде, вместе с двумя батальонами регулярной армии. Вскоре, однако, это решение было отменено, поскольку султан побоялся вооружить местных арабов. Гарнизон же надо было срочно выручать, так как Сана оказалась в осаде, и из-за отсутствия необходимых запасов продовольствия туркам вот-вот пришлось бы сдаться [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 66]. Англичане заключали, что к концу 1904 г. уже весь Йемен восстал против турок [FO195/2174 and L/PS/10/58, цит. по: Baldry, 1976, p. 175]. Назначенный в начале января 1905 г. новым вали Йемена Махмуд Надим-бей оказался в тяжелой ситуации.

В том же месяце на подмогу испытывавшим большие трудности турецким войскам в Йемен были отправлен большой контингент из Сирии. В донесении российского генерального консула в Алеппо А.Ф. Круглова¹⁹ на имя российско-императорского посла в Константинополе от 1 февраля за № 20 сообщалось об отправке 31 января последней партии солдат – всего четыре батальона по 800 человек каждый. Показателем был и в этом случае их низкий моральный дух: «настроение войск далеко не радостное, так как, по общему убеждению, из Йемена никто не возвращается» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 56].

Докладывая в Главный штаб по VII отделению в рапорте № 24 от 9 февраля 1905 г. о положении дел в Аравии и турецкой военной экспедиции в Йемен, российский военный агент Алексеев помимо перечисления частей, которые, по собранным им и проанализированным сведениям, должны были войти в состав экспедиции, информировал и о ее командовании.

¹⁸ Более подробно о реформировании системы стратегического управления в Российской империи в тот период см.: [Кокошин, 2003, гл. 6].

¹⁹ Круглов Алексей Федорович (1864–1948) – видный российский дипломат и востоковед, статский советник (гражданский чин V класса Табели о рангах Российской империи, соответствовавший сначала чину бригадира в армии, а после его упразднения находился между чинами полковника и генерал-майора), до революции служил в российском генеральном консульстве в Багдаде, был генеральным консулом в Алеппо (1904–1908), Иерусалиме (1908–1914), где много сделал для укрепления позиций Российской империи в Палестине, затем жил в Петербурге, в 1920 г. с семьей через Новороссийск переехал в Египет, до 1948 г. жил в Палестине, в ходе арабо-израильской войны 1948 г. переехал в Ливан, где скончался в доме своей дочери Веры. Российские дипломаты и сегодня чтят его память.

«Начальствование экспедицией, – писал он, – вверено бывшему вали в Монастире (Тунис) генерал-лейтенанту Риза-паше, в распоряжение которого, кроме двух бригадных командиров – Али-паши и Джевад-паши, был назначен еще полковник Ахмед Иззат-бей» [там же, л. 15]. Отмечалось, что последний получил военное образование и в течение некоторого времени командовал войсками на Хиджазской железной дороге.

Агент опять указывал на значительные трудности, с которыми сталкивались турецкие войска, в том числе на обеспечение их верховыми животными, продовольствием и т. п., порождавшие волнения и неповиновение среди солдат. Ходейдский мутасарриф²⁰ доносил о бунте среди войск, готовящихся в Кунфиде к отправлению в Йемен [там же, л. 15об.–16].

А в рапорте № 87 от 13 апреля 1905 г. Алексеев информировал из Константинополя Главный штаб по VII отделению, что отряд турок под командованием Али Риза-паши при встрече с йеменскими мятежниками близ Саны потерпел крупную неудачу. Из девяти находившихся в его распоряжении батальонов три дезертировали, три были разбиты, и только три оставшихся вступили в город, при этом мятежники захватили несколько пушек со снарядами и часть обоза [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 30–30об.]. О серьезности боев свидетельствовало то, что сообщение между Саной и Ходейдой не могли восстановить вплоть до 9 апреля. Турецкие подкрепления шли медленно, до 5 апреля на помощь Риза-паше было отправлено всего 2 батальона 11-й бригады, зафрахтовано четыре парохода для перевозки дополнительных сил, но все они оказались не готовы к плаванию. Для отправки в Йемен начали призывать редифов.

В середине апреля Сана пала под ударами повстанцев, вали и командующий турецкими войсками покинули город, заплатив имаму Яхйе Хамид ад-Дину 5 тысяч фунтов стерлингов за обеспечение их безопасного проезда к побережью. Войска имама за первые три месяца боев захватили 35–40 пушек, 8 000 винтовок системы Маузер и несколько тысяч винтовок других систем [FO98/5418, цит. по: Baldry, 1976, p. 175]. А в Асире племена под командованием Ахмада бин Аида штурмовали столицу – Абху, вынудив покинуть ее местного мутасаррифа.

Плохо показавшие себя в Йемене части V корпуса под командованием неудачливого Али Реза-паши, захваченного в плен повстанцами, в наказание были «назначены на Хиджазскую железную дорогу» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 41].

Российская военная разведка регулярно и вполне закономерно обращала внимание на этнический состав турецких контингентов: «Весьма характерным является обстоятельство, что посланные в Йемен вместе с Али Риза-пашой части войск V корпуса, как низама, так и редифа, комплектуемые местным арабским населением, сплошь и рядом, в составе целых рот и батальонов, во время последних столкновений с арабскими инсургентами дезертировали и с оружием в руках переходили на сторону противника: говорят, именно подобным фактам Турция обязана поражением и пленением Али Риза-паши и падением Саны».

Это вынудило турецкое правительство принять трудное, но единственно возможное решение – отказаться от отправки в Йемен войсковых частей из состава V и VI корпусов, пополняемых главным образом из арабского населения. Авторы вышеупомянутого рапорта предположили, что оно будет отправлять в распоряжение вновь назначенного командиром VII корпуса и одновременно вали Йеменского вилайета Фейзи-паши (напомним: переведенного с должности командира VI Багдадского корпуса) следующие части войск: «1) из состава европейских корпусов, 2) из редифных округов Анатолии и 3) из редифных округов с курдским населением» [там же, л. 87об.–88].

Во время осады в сообщениях из Йемена вновь фигурировал Хиджаз. Так, на помощь осажденным пришли подкрепления именно из этого вилайета в составе четырех батальонов, которые «сначала отказались идти в Йемен и стали бесчинствовать, но, в конце концов, были

²⁰ Административный начальник в санджак.

отправлены к месту назначения в начале января, под начальством Арифа-паши вступили в Сану, не встретив сопротивления со стороны мятежников» [там же, л. 66–66об.]. Рассчитывая закрепить успех, турки продолжили отправку в Йемен новых подкреплений из других округов. Однако до полной победы оказалось еще весьма далеко. Повстанцы, пропустив подкрепления Арифа-паши в Сану, вновь обложили город; гарнизон, совершая безуспешные вылазки, страдал от нехватки продовольствия и терял от дезертирства до 60 человек в сутки. Турок вынудили уйти из города Каатабы (на юге от Саны, у границы с британскими протекторатами юга страны). Кроме того, повстанцы заняли казу (округ) Ярим и дошли до казы Таизз, причем сам город Таизз оказался отрезанным от остального Йемена. 7 мая 1905 г. Алексеев сообщал, что «некоторые племена Таизского санджака, до сих пор мирившиеся с необходимостью подчинения Турции, теперь открыто собираются начать борьбу за свою независимость» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 38–38об.]. Российская военная разведка привычно отмечала, что опасной для Турции ситуацией могла воспользоваться Англия, по слухам, уже увеличивавшая свои силы в Аденском протекторате [там же, л. 67]. Впрочем, было бы странно, если бы она этого не делала.

В Петербурге собирали и анализировали информацию о мобилизации Турцией сил для отправки в Йемен, поступавшую от всех военных агентов, работавших в столице и вилайетах Османской империи, а также от офицеров Штаба Кавказского военного округа в Тифлисе. К примеру, 10 мая 1905 г. на имя А.А. Поливанова из ШКВО за подписями начальника штаба генерал-майора Ф.Ф. Грязнова²¹ и старшего адъютанта подполковника Н.Р. Добошинского поступил так называемый дешифрант телеграммы секретаря Эрзерумского генерального консульства, надворного советника и военного агента П.И. Аверьянова²² от 8 мая [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 52–54]. В ней сообщалось, что для отправки в Йемен и частью в Македонию распоряжением сераскера (главнокомандующего) от 20 апреля предназначены к призыву под знамена Малатийская бригада Диярбекирской редифной дивизии, Трапезундская и

²¹ Грязнов Федор Федорович (1855–1906) – русский военный деятель и глубокий исследователь Южного Кавказа. Служил в кавалерийских частях, в военной разведке, в 1889 г., получив гражданский чин надворного советника (гражданский чин VII класса по Табели о рангах, соответствовавший чину подполковника в армии), был назначен вице-консулом в турецком городе Ван (тогда область Западной Армении) в качестве «дипломатической крышки» для негласного выполнения функции военного агента в звании подполковника, прослужил там шесть лет, занимаясь также изучением военной географии Северного Курдистана у границ Закавказья. С 1895 г. – полковник ГШ, с 1897 г. командир 45-го драгунского Северского полка, с 1899 г. командир лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, генерал-майор, с 1903 г. начальник Николаевского кавалерийского училища. В 1905 г. назначен начальником Штаба Кавказского военного округа. 16 января 1906 г. железнодорожный рабочий-революционер Арсен Джорджиавили смертельно ранил его в Тифлисе брошенной бомбой, мстя за подавление революционных выступлений. После Октябрьской революции, в 1921 г. известный в то время режиссер Иван Перестиани снял исторический (немой) фильм об убийстве генерала, в котором роль главного героя – погибшего «за идеалы пролетариата» Джорджиавили (он был казнен по приговору суда) – играл ставший потом знаменитым Михаил Чиаурели – грузинский актер, режиссер, певец, скульптор и художник (во времена моего детства в г. Свердловске, в 1955–1957 гг. я знал Чиаурели как режиссера местной киностудии), народный артист СССР, орденоси́нец, лауреат шести Сталинских премий, муж известной советской актрисы Верико Анджапаридзе и отец известной актрисы театра и кино Софии Чиаурели. Так в истории переплелись судьбы многих наших известных соотечественников.

²² Аверьянов Петр Иванович (1867–1937) – русский военный деятель и известный военный востоковед. Служил секретарем российского генерального консульства в Эрзеруме с 10 июля 1901 г. по 31 мая 1905 г., будучи негласным военным агентом в чине подполковника (см. также о нем: [Копоть, 2019, с. 284]). Ему был присвоен чин надворного советника. Был крупнейшим знатоком азиатской Турции и турецкой армии в Генеральном штабе, видным исследователем курдского вопроса. Делопроизводитель ГУГШ в 1906–1908 гг. по разведывательному отделению, генерал-майор с 1910 г., генерал-лейтенант с 1915 г., с 10 августа 1916 г. на время исправляющий должность начальника Главного штаба, в 1918–1920 гг. находился в распоряжении главнокомандующего Добровольческой армией, затем Вооруженными силами Юга России, после эвакуации из Крыма в 1920 г. находился в Турции, затем в Югославии (Королевстве сербов, хорватов и словенцев). Скончался и был похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Сивасская редифные дивизии полностью и три полка Ерзинджанской редифной дивизии, за исключением Эрзерумского редифного полка. А в конце марта была уже мобилизована Ризская бригада Трапезундской редифной дивизии. 27 апреля повелением султана призвана под знамена Харпутская бригада Эрзинджанской редифной дивизии, при этом были основания полагать, что «часть мобилизуемых таборов [батальонов. – В.Н.] останется в своих меркезах на случай армянского восстания» [там же]. Эти данные показывали серьезность, с которой Порта относилась к развитию ситуации в Аравии.

ШКВО продолжал регулярно посылать доклады в Главный штаб о ситуации во всей Османской империи, в том числе в ее аравийских вилайетах. В обстоятельном документе за № 1785 от 28 июля 1905 г. за подписями начальника штаба Грязнова и старшего адъютанта, адресованном второму генерал-квартирмейстеру Главного штаба (Поливанов к этому времени уже покинул этот пост), отмечалось замедление мобилизации «редифных таборов», вызванное двумя причинами. Во-первых, неподготовленностью уездных властей и всего механизма призыва к быстрому оповещению и сбору в призывные пункты (ротные меркезы) редифных чинов. Во-вторых, их массовым уклонением от явки под знамена. Уклонение, в свою очередь, объяснялось следующими обстоятельствами. Призванные «под знамена» прослышали, что «мобилизуемые таборы будут отправлены для борьбы с мусульманами-арабами, во главе которых стоит якобы истинный халиф – потомок Магомета. Все уклонившиеся от призыва редифные чины заявляли приблизительно одно и то же: что они не могут сражаться против своих братьев-мусульман, которые нашли теперь истинного халифа; что, убивая арабов, они сделаются простыми убийцами; убитые же из них не заслужат рая, так как падут в борьбе с мусульманами, сражающимися за потомка Пророка» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 81–82].

Аверьянов высказывал мнение, что распространению среди турецких мусульман столь негативного отношения к борьбе с арабами «в значительной мере содействовали прокламации английского издания на турецком языке, в которых мусульманам разъяснялось, что царствующий султан – узурпатор священной власти халифов и что истинный халиф – потомок Магомета находится среди арабов» [там же, л. 82]. В документе назывались и другие причины уклонения от явки на службу. Это были, в частности, циркулировавшие среди населения крайне преувеличенные слухи: о жестокостях, якобы совершаемых арабами над турецкими аскерами, о полном поражении турецких войск и о крайне неблагоприятных климатических условиях, быстро убивающих сражающихся в Аравии турецких солдат. Опять со ссылкой на Аверьянова отмечалось, что «редифные офицеры также относятся с большим неудовольствием к походу в Аравию».

Представляет интерес то, как военная разведка объясняла замедление к отправке в Аравию даже закончивших укомплектование до тысячи штыков «редифных таборов». Назывались две причины. Это, во-первых, нехватка денег в вилайетах, на которых ложилась обязанность выплачивать мобилизованным редифным частям значительные суммы. Во-вторых, трудности со сбором выючных и вообще перевозочных средств для мобилизованных и заготовкой «пшеничных галет и других предметов продовольствия» [там же, л. 82об.]. Сообщалось, что местные жители, владевшие хорошими лошадьми и мулами, поспешили выехать за пределами каз (районов), в которых была объявлена мобилизация, и укрыться в соседних казах. А для заготовления галет не было необходимых приспособлений и печей, а в некоторых пунктах даже не хватало муки на складах.

ПЕРИПЕТИИ БОРЬБЫ ТУРЕЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ВОССТАНИЕМ

Активизация действий повстанцев в Йемене, особенно в Асире осложняла и положение турок в Центральной Аравии, что подробно описывалось в донесениях российских воен-

ных агентов. Войска, которые Порте приходилось отправлять в Йемен, испытывали там не меньше трудностей, чем в Неджде, где тоже требовались свежие дополнительные воинские контингенты. В то же время из-за логистических проблем с отправкой грузов и нехваткой лошадей турки вместо двух полков конницы сумели послать в Неджд лишь два эскадрона.

Однако сила в Йемене была все же на стороне турок. В операциях по подавлению восстания важную роль играл уже упоминавшийся выше Фейзи-паша. Его личной роли российские военные закономерно придавали немалое значение. В составленном Главным штабом на основе донесений военного агента в Константинополе и ШКВО обобщающем докладе «О положении дел в Турции» от 27 мая 1905 г. за подписью генерал-майора Н.С. Ермолова²³ сообщалось о назначении Фейзи-паши начальником йеменской экспедиции [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 79] (понятно, что обо всех назначениях и перестановках в высших эшелонах турецкого военного командования надлежало информировать Петербург). В рапорте № 159 из Константинополя от 16 июля 1905 г. Алексеев информировал, что местная печать писала «о новых успехах турецких войск в Йемене, ведущих за собой восстановление порядка и спокойствия в этой провинции» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 50–51]. По данным печати, они разбили инсургентов, занимавших дефиле близ Асира, овладели его столицей г. Абха, где мятежники потеряли около тысячи человек убитыми и ранеными, а также «50 предводителей банд пленными». Но при этом военный агент оговаривался, что даже этот частичный и еще нуждавшийся в проверке успех мушира едва ли мог «иметь решающее значение в смысле умиротворения восстания, охватившего большую часть Аравии». По его оценке, на малую правдоподобность этих сведений указывало «хотя бы простое соотношение потерь, понесенных противниками при столкновении у г. Абха» [там же]. Трудно было поверить, что в то время, как арабы потеряли тысячу человек, среди турок, как сообщали газеты, потери составили всего четыре человека убитыми и шестнадцать ранеными. Правда, непонятно, имел ли в виду агент то, что потери йеменской стороны преувеличивались, или же то, что потери турецкие преуменьшались (может быть, и то, и другое, но ясно, что данные искажались).

На этом этапе российские военные начинают более настойчиво, чем прежде, хотя и все еще с некоторой осторожностью, проводить мысль о роли англичан в антитурецком восстании в Аравии, прежде всего в Йемене. В одном из документов Главного штаба говорилось, хотя и со ссылкой на прессу, а не на свои агентурные данные, о намеках на то, что «восстание в Йемене, принявшее столь серьезные размеры, является делом рук англичан», и что цель их подстрекательства – «обеспечить своим прибрежным владениям в Аравии более выгодное соседство самостоятельных, но слабых арабских племен» [там же, л. 75–75об.]. В документе, направленном ШКВО второму генерал-квартирмейстеру Главного штаба 28 июля того же года привычно подчеркивалось, что движение зейдитского имама Хамид ад-Дина в Йемене непосредственно «поддерживается англичанами из Адена» [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 20].

Но этой поддержки было явно недостаточно. После взятия Саны имам послал мекканскому Шарифу²⁴ ультиматум, требуя от того присоединиться к нему и, в противном случае, угрожая будто бы ни более, ни менее как «смертью и разграблением Мекки» [там

²³ Ермолов Николай Сергеевич (1853–1924) – видный российский военный деятель, разведчик, генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1882 г. был членом-учредителем Императорского Православного Палестинского Общества. В 1891–1905 гг. военный агент в Великобритании, после возвращения возглавил военно-статистическое управление VII отделения управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба (разведка), затем военно-статистическое отделение ГУГШ. В 1907–1917 гг. вновь служил военным агентом в Лондоне, где он и оставался до конца жизни.

²⁴ Шариф – глава шарифов, являвшийся основным духовным авторитетом местных мусульман и занимавший одновременно пост эмира (управителя) Мекки.

же]! По циркулировавшим в военных кругах Порты слухам, Шариф будто бы обратился за помощью к Египту, т.е. фактически к англичанам.

Сану получившим подкрепление турецким войскам удалось взять только 30 августа, причем не прибегая к обстрелу пушками крепостной стены. Турки вошли в город, не встречая сопротивления [Farah, 2002, p. 225]. Большие подкрепления были отправлены в Асир под командованием генерала Эмин-паши. Фейзи-паша, гордый успехами, также сумел вернуть турецкий контроль над целым рядом важных населенных пунктов. Однако победа была пирровой – личный состав контингента под командованием мушира по-прежнему страдал от голода, болезней и периодически подвергался нападениям ополченцев йеменских племен, денег уставшему контингенту не платили, и сирийские офицеры ушли в Сану, требуя выплаты компенсации и возвращения домой. К взбунтовавшимся сирийцам стали присоединяться и другие [Farah, 2002, p. 227–228]. Жестокое подавление восстания 1905 г. дорого обошлось Турции: из 55-тысячного контингента, высадившегося в Ходейде, погибло 30 тысяч человек, в том числе 6 тысяч во время осады Саны. Только от тифа умерло 9 тысяч человек [FO195/2224, цит. по: Baldry, 1976, p. 176].

Для Порты обострение одной угрозы, идущей с юга, рассматривалось в комплексе с другой, идущей с севера. В вышеупомянутом докладе от 27 мая 1905 г., направленном военному министру генерал-адъютанту В.В. Сахарову²⁵ (доклад был им прочитан, что министр собственноручной подписью засвидетельствовал), говорилось, что турецкое правительство в то время еще было озабочено «ожиданием вторжения в пределы Турции армянских банд из Закавказья» (естественно, здесь использован турецкий лексикон), которые будто бы имели своей целью «возбуждение пограничных недоразумений» между русскими и турецкими войсками. Эти «недоразумения» были явно нежелательны. По данным военной разведки, Турция полагала, что русские войска, «занятые подавлением местных беспорядков, не будут в состоянии воспрепятствовать переходу армян через границу, а потому принимает со своей стороны усиленные меры для энергичного противодействия их попыткам». С этой целью, как докладывалось в документе разведки, в пограничном с Кавказом IV корпусном округе был усилен численный состав низама, кроме того, под знамена были призваны «10 сотен курдской конницы Гамидийе»²⁶ и подготавливался сбор еще 4-х пограничных «гамидийских бригад». Наряду с этим шла мобилизация редифа, большую часть из которых предполагалось направить в Йемен.

Эти и многие другие детали, перечисленные в документе, позволяют судить о том, что российская военная разведка было хорошо информирована о военных приготовлениях Турции и передвижениях ее войск. Командованию сообщали и о развитии ситуации в Йемене, хотя сведения оттуда были весьма скудны. Ходили слухи «о заключенном будто бы перемирии между враждующими сторонами», но условия и срок его были неизвестны. В то же время, судя по телеграфным сообщениям, которые изучали военные разведчики, «успехи мятежных арабов все более распространяются, а вместе с тем турецкое правительство не прекращает мобилизации и посылки новых подкреплений». Общая численность постоянно дислоцированных в Йемене сил, включая также солдат, направленных туда из разных

²⁵ Сахаров Виктор Викторович (1848–1905) – видный русский военачальник, генерал-адъютант, военный министр Российской империи. Участник русско-турецкой войны 1878–1878 гг., в дальнейшем занимал ряд штабных должностей, в том числе начальника штаба Одесского военного округа, произведен в генерал-майоры в 1890 г., начальник Главного штаба с 1898 г., назначен военным министром в феврале 1904 г., сменив Куропаткина, произведен в генерал-лейтенанты, затем в генерал-адъютанты, после увольнения в июне 1905 г. отправлен на борьбу с аграрными беспорядками в Саратовской и Пензенской губернией. Автор книги «История конницы» (СПб, 1889). 22 ноября 1905 г. застрелен в доме саратовского губернатора П.А. Столыпина эсеркой А.А. Биценко (1875–1938), будущим членом ВЦИК и членом советской делегации на Брест-Литовских мирных переговорах, впоследствии репрессированной.

²⁶ Она была названа именем султана Абдул-Хамида II (1842–1918), правившего в 1876–1909 гг.

областей империи для подавления восстания, составляла 114 батальонов и 14 батарей, т.е. почти шестую часть всей турецкой пехоты, считая только низам и редиф первого разряда.

Сопряжение событий в далекой от России Западной Аравии с обстановкой на Кавказе было одним из факторов, способствующих повышению и без того заметного интереса Петербурга к аравийским делам. Об этом свидетельствовало то, что некоторые документы докладывались самому царю, причем весьма оперативно. Это, к примеру, рапорт Главного штаба (по данным военного агента в Константинополе) под названием «Положение дел в Йемене», направленный Сахарову 7 мая 1905 г. за подписями генерал-майора Г.Г. Христиани²⁷ и все того же Алексеева. Министр доложил его лично Николаю Второму 10 мая 1905 г., что засвидетельствовал пометкой со своей личной подписью [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 74–74об.].

А рапорт «Положение дел в Аравии» за подписью Ермолова от 17 июня 1905 г. Сахаров представил Николаю II уже на следующий день после получения, что также сам и удостоверял [там же, л. 80–80об.]. В документе делался акцент на неудачах Порты в Йемене, где восстание продолжало распространяться, в результате чего в руках турок осталась лишь Ходейда. При всех несомненных полководческих талантах Фейзи-паши, мушир не мог ничего сделать как всегда «вследствие неприбытия обещанных подкреплений и недостатка выючных животных». Восстание же тем временем опять охватывало области севернее горного Йемена, а именно санджак Асир, а также и Хиджазский вилайет с Меккой и Мединой, расположенные там войска терпели во всем нужду и роптали. Турецкое правительство осознавало необходимость принятия срочных мер, но было «лишено возможности принять таковые по недостатку денежных средств».

ШКВО продолжал развивать неоднозначную тему «узурпации священной власти халифов» царствующим турецким султаном, в то время как «истинный халиф – потомок Магомета находится среди арабов» (секретный доклад второму генерал-квартирмейстеру Главного штаба по VII отделению от 28 июля 1905 г. за подписями начальника штаба и старшего адъютанта [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 81–93]).

Для осторожности штабисты сообщали это заключение опять со ссылкой на мнение надворного советника Аверьянова, который, в свою очередь, опирался на все те же распространяемые среди турецких мусульман слухи, явно производившие большее впечатление на российских разведчиков, чем на турок, английские прокламации на турецком языке.

К концу лета 1905 г. обстановка в Йемене все-таки изменилась в пользу Порты. Успешные действия турок в августе – сентябре повлекли за собой, по оценке военного агента, «если не умиротворение страны, то, во всяком случае, приостановку действий мятежных арабов». Часть турецких войск, прибывших туда из Сирии, была возвращена обратно, правда, по причине «полного отсутствия военной доблести». Однако Порты все еще была озабочена как ситуацией в Йемене, так и давлением Ибн Сауда на враждовавших с ним верных туркам Рашидидов. Несмотря на успехи, достигнутые турецкими войсками в борьбе с йеменскими повстанцами, турецкое правительство, как сообщал еще 14 ноября 1905 г. Алексей (рапорт от 14 ноября 1905 г. [РГВИА, ф. 444, д. 23, л. 105]), не считало аравийское восстание прекращенным, о чем свидетельствовало, в частности, распоряжение об отправлении «2 000 чел. из состава VI корпуса на укомплектование находящихся в Неджде частей, дошедших... вследствие потерь, болезней и побегов до пятой части своего первоначального состава» [там же]. При этом у турок не было

²⁷ Христиани Григорий Григорьевич (1863–?) – генерал-лейтенант, военный теоретик, разведчик и писатель. Служил в РИА с 1879 г., в 1896 г. произведен в полковники, профессор Николаевской академии Генерального штаба, в Главном штабе в 1897–1905 гг., генерал-майор с 1904 г., начальник Отделения с 23 ноября 1904 по 10 мая 1905 г., затем снова в академии, генерал-лейтенант с 1913 г., в 1915–1916 гг. исправлял должность начальника Николаевской академии, в марте 1918 г. эвакуирован с академией в Екатеринбург, затем в Казань, продолжал служить при Колчаке, преподавал также в Челябинской кавалерийской школе, взят в плен отрядами Красной Армии, умер в Красноярской тюрьме. Автор ряда военных обзоров, в том числе Австро-Венгрии, Германии, северо-западной Индии и других.

средств для отправки в Неджд солдат, а сами они отказывались идти туда, «зная ту участь, которая постигла находящиеся там войска». Российские представители в Багдаде сообщали об аресте майора и 4 младших офицеров, дезертировавших из Эль-Касыма. По их словам, много офицеров бежало в Кувейт и другие места побережья Залива, и в батальоне осталось не более 80–100 человек [там же, л. 105об.].

Причиной массового дезертирства и на этот раз были несносные условия жизни турецких военнотружущих, которые, в том числе и офицеры, «со дня выступления в поход не получали жалованья, остались без белья и платья, по месяцам не ели мяса» [там же, л. 106]. Офицер российской военной разведки видел письмо турецкого офицера отцу, где тот писал, что армия вряд ли переживет следующую зиму.

Российская военная разведка верно прогнозировала возможность новых обострений обстановки в Западной Аравии. Но иногда в своих прогнозах военные аналитики шли еще дальше, во многом выдавая желаемое за действительное: «Вообще арабские волнения по-видимому грозят принять характер всеобщего движения арабов с целью освобождения от турецкого владычества; только что опубликованная телеграмма из Бейрута передает слух, будто бы шейх аль-ислам (высшее духовное лицо в Турции) принял сторону арабов и лишил султана звания халифа» [там же].

Что же касается ситуации в Йемене, в том числе в Асире, то в начале 1906 г. она оставалась спокойной. Однако это спокойствие было достигнуто в результате безжалостного подавления восстания: в сентябре 1905 г. английский вице-консул Ричардсон, посетив Сану, обнаружил, что весьма значительная часть города была разрушена и более половины населения умерло в результате голода и осады, что еще больше озлобило арабов [Baldry, 1976, p. 177–178]. Война с йеменскими мятежниками дорого обошлась туркам: ссылаясь на данные британского посольства в Турции, Балдри сообщает, что они ежегодно теряли по десять тысяч человек и тратили по 500 тысяч фунтов стерлингов. Имам Яхья в 1906 г. планировал поднять новое восстание, но, не получив оружия от англичан, в ноябре договорился о перемирии с турками, которое нарушил уже через шесть месяцев. В июне 1907 г. в Константинополь прибыла делегация шейхов йеменских племен, но договориться об урегулировании конфликта не удалось. А в сентябре в Йемен прибыли четыре муфтия и семь мусульманских богословов (улама) из Мекки для того, чтобы уговорить имама Яхью прекратить воевать против османского султана-халифа, однако тот не встретился с гостями, а передал им свои требования, в частности, отменить турецкие светские законы и заменить их шариатскими. [Baldry, 1976, p. 179–180].

В 1908 г. дряхлеющий Фейзи-паша был заменен Хасаном Тахсин-пашой. В результате младотурецкой революции Абдул-Хамид II восстановил конституцию 1876 г. и созвал парламент. В декабре турецкий совет министров, решив удовлетворить часть требований йеменцев, обсудил пакет реформ для Йемена. В 1909 г. вечно мятежный Асир был отделен от вилайета, в 1911 г. реформы начали претворяться в жизнь, но не успокоили йеменцев. Впереди были еще годы борьбы.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи [*AVPRI* – Archive of Russian Empire's Foreign Policy].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив [*RGVIA* – Russian State Military History Archive].

FO – National Archives. Foreign Office.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Звонарев К.К. *Агентурная разведка*. Том I. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М.: Управления штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии, 1929 [Zvonarjov K.K. *Human Intelligence*. Vol. 1. All kinds of Russian Human Intelligence before and during the War of 1911–1918. Moscow: Upravlenie Shtaba Raboche-Krest' yanskoj Krasnoj Armii, 1929 (in Russian)].
- Измозик В.С. «Черные кабинеты». *История российской перлюстрации XIII–XX вв.* М.: НЛЮ, 2015 [Izmozik V.S. “Cabinets Noirs”. *A History of Russian Postal Censorship of 13th – 20th Centuries*. Moscow: NLO, 2015 (in Russian)].
- Кокошин А.А. *Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России*. М.: МГИМО(У), 2003 [Kokoshin A.A. *Strategic Management. Theory, historic experience, comparative analysis, goals for Russia*. Moscow: MGIMO(U), 2003 (in Russian)].
- Копоть Е.М. Российская военная разведка в Азиатской Турции и Сирии во второй половине XIX в. *Исторический вестник: Османская империя и Россия*. 2019. № 4. С. 266–293 [Kopot' E.M. Russian Military Intelligence in Asian Turkey and Syria in the Second Half of the 19th Century. *Istoricheskij Vestnik: Ottoman Empire and Russia*. 2019. No. 4. Pp. 266–293 (in Russian)].
- Наумкин В.В. Австрийские пионеры южноаравийских исследований. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 207–226 [Naumkin V.V. Austrian Pioneers of South Arabian Studies. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 207–226 (in Russian)].
- Наумкин В.В. Австрийские пионеры южноаравийских исследований: наука, политика, разведка. *Восток (Oriens)*. 2020. № 5. С. 225–242 [Naumkin V.V. Austrian Pioneers of South Arabian Studies: Science, Politics, Intelligence. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 225–242 (in Russian)].
- Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. *Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений*. М.: Индрик, 2015 [Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. *Syria on the Eve of the Young Turks Revolution. On the Materials of Consular Reports*. Moscow: Indrik, 2015 (in Russian)].
- Шаваев А.Г. *Куропаткин. Судьба обогнанного генерала*. М.: У Никитских ворот, 2019 [Shavaev A.G. *The Fate of the Defeated General*. Moscow: U Nikitskikh Vorot, 2019 (in Russian)].
- Baldry, John. Al-Yaman and the Turkish Occupation 1849–1914. *Arabica*. 1976. T. 23. Fasc. 2. Pp. 156–196.
- Farah, Caesar E. *The Sultan's Yemen. Nineteenth-Century Challenges to Ottoman Rule*. London – New York: I.B. Tauris, 2002.
- Harris, Walter B. *A Journey through the Yemen and Some General Remarks upon that Country*. Edinburgh and London: W. Blackwood and Sons, 1893.
- Kuehne T. *Ottoman Hero or Frontier Villain? Ahmed Feyzi Pasha (1839–1915)* (recording of the lecture, given on 3 April 2014, Simon Fraser University). <https://www.youtube.com/watch?v=ohYo5zJFcdE> (accessed 06.03.2021).
- Yaccob, Abdol Rauh. Yemeni Opposition to Ottoman rule: an overview. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2012. Vol. 42. Pp. 411–420.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАУМКИН Виталий Вячеславович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН; руководитель базовой кафедры ИВ РАН в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Vitaly V. NAUMKIN, Full member of the Russian Academy of Sciences, DSc. (History), Professor, President, Institute of Oriental Studies, RAS; Head and Chair of the IOS at the National Research University “High School of Economics”, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье В.В. Наумкина

Рис. 3. У памятника А.Н. Куропаткину в Торопце.

Рис. 4. Автор у скромной могилы А.Н. Куропаткина на деревенском кладбище в Наговье.